

Наука как долг и оборона: трансформация этоса ученого в условиях «мобилизационной науки»

© В.А. Иноземцев, Е.С. Лендрасова

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Рассмотрена трансформация нормативных и ценностных основ научной деятельности в условиях функционирования науки в так называемом мобилизационном режиме. Предметом анализа выступает изменение профессионального этоса ученого в контексте включенности научных исследований в нужды оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Цель исследования состоит в философском осмыслении того, каким образом мобилизационный характер науки влияет на представление о научной автономии, ответственности, социальной роли ученого. Особое внимание уделено анализу изменения профессиональной идентичности ученого, для которого научная деятельность постепенно приобретает черты долга, формы ответственного служения.

Ключевые слова: научный этос, ответственность ученого, философия науки, научная рациональность, институциональный контекст науки, научная автономия, профессиональная идентичность, национальная безопасность

Обычно научная деятельность через призму философии науки рассматривается как некая особая форма рациональности, которая обладает характерными для нее основаниями и некоторой автономией по отношению к политическим и социальным контекстам. Фундаментальные модели науки исходят из представления о приоритете истины, универсальности научного знания и независимости от внешних факторов исследовательского опыта; однако события XX–XXI вв. показывают неоднократное функционирование науки в условиях жестких целевых задач, в особенности в периоды войн, кризисов, масштабных процессов модернизации.

Усиленное внимание государства к научным исследованиям, в частности в текущих геополитически напряженных условиях и давления санкциями, актуализирует вопрос о социально-нормативных основаниях научной деятельности. В этих обстоятельствах наука начинает восприниматься как часть системы национальной безопасности — элемент, ориентированный на достижение технологического суверенитета, а не только как самостоятельная сфера производства знания. Подобные трансформации, как показывают современные исследования [1], не уникальны, имеют исторические примеры и предтечи, и также были связаны с ускоренной модернизацией

и мобилизацией научных ресурсов. В этой перспективе особую значимость приобретает вопрос: когда научная деятельность оказывается встроенной в приоритеты государственной политики, как меняется этос ученого? Каким образом меняется его система профессиональных ценностей, норм, установок? Здесь имеется в виду не столько внешнее, административное регулирование науки, сколько глубинные изменения мотивационных структур научного труда, представлений о долге, ответственности, общественной значимости знания. Современная философия науки, все чаще и чаще обращаясь к этим вопросам, подчеркивает необходимость учитывать культурно-исторические и социально-политические факторы в анализе научного познания [2].

Современному состоянию отечественной науки свойственны усиление государственного присутствия в моментах определения исследовательских приоритетов, рост управленческой регламентации и большая ориентация на прикладную результативность, что наиболее наглядно проявляется в оборонно-промышленном комплексе: научные исследования здесь интегрированы в систему национальной безопасности, и в данном контексте наука предстает уже не только как источник нового знания, но как инструмент обеспечения обороноспособности и технологического суверенитета. И совершенно закономерно возникает философская проблема преобразования этоса ученого, его совокупности ценностей, норм, профессиональных установок, определяющих само понятие научной деятельности. Каким образом изменяется этос ученого в условиях, когда наука находится в так называемом мобилизационном режиме? Сохраняет ли его научная деятельность свою этическую автономию или же она претерпевает переосмысление под такими понятиями, как «служба» и «долг»? Для ответа на эти вопросы нужен выход за рамки сугубо институционального анализа и рассмотрение философии науки как поля рефлексии над основами научного знания и научной ответственности.

Проблематика научного этоса и нормативных оснований науки занимает, бесспорно, одно из центральных мест в философии науки. В ее классических концепциях научный этос понимается как совокупность универсальных норм, которая обеспечивает производство научного знания вне зависимости от социальных условий, но вторая половина XX в. отчетливо показала: реальные научные практики куда сложнее идеализированных моделей и во многом зависят от институционального контекста. В отечественных исследованиях особое внимание уделяется противоречию между свободой ученого как автора и процессами стандартизации научной деятельности: отмечается трансформация мотивационной составляющей научного труда и способов профессиональной самоидентификации исследователя из-за

усиления формализованных критериев эффективности, бюрократизации науки и роста управленческого контроля [3]. Научная деятельность все чаще начинает осмысливаться как разновидность профессиональной деятельности ученого, которая встроена в систему целевого управления.

Значительный объем работ посвящен анализу роли науки и интеллектуалов в условиях постсоветских трансформаций. Особое внимание уделяется тому, что науку в современной России нередко включают в проекты социального и политического характера, где она выступает уже не источником знания, а инструментом выработки легитимирующих ресурсов [4, 5]. В частности, в этих исследованиях затронут вопрос соотношения научной рациональности и структур власти, но философский анализ изменений научного этоса остается вторичным. Отдельную группу составляют исследования, посвященные оборонно-промышленному комплексу, в которых анализируются процессы инновации, экономические и кадровые проблемы, особенности научных исследований в условиях приоритета оборонных заказов [6, 7]. Также ряд авторов подмечает факт постепенной утраты современной наукой черт классического идеала независимого поиска истины [8]. Современная наука все больше интегрируется в контексты экономики, политики и обороны, и в этих условиях формируется двойственность структуры самого этоса науки: с одной стороны, внутренние профессиональные нормы, с другой — социальные ожидания и ответственность.

Культурно-историческая эпистемология вносит существенный вклад в осмысление этих процессов; она акцентирует внимание на экзистенциальных и мотивационных установках ученого как методологически значимых параметрах научного исследования [2]. Подобный подход позволяет рассмотреть возникшую ситуацию как особый, исторический режим функционирования, в котором меняются представления о новизне знания, научной добродетели, социальном предназначении исследовательской деятельности.

Для дальнейшего рассуждения введем термин «мобилизационная наука». Под мобилизационной наукой здесь и далее понимается режим научной деятельности, при котором научные исследования подчиняются приоритетным государственным задачам и включены в систему стратегического планирования. Классическая модель науки ориентирована на накопление и развитие знания, часто она не имеет практического применения здесь и сейчас и подразумевает терпимость к неопределенности, ошибкам, отсрочке результатов. В рамках оборонно-промышленного комплекса (ОПК) научное знание приобретает выраженный практический характер, ценность знания определяется уже не вкладом в саму науку как таковую, а тем, насколько

это знание способно обеспечивать технологическую независимость и обороноспособность государства [9]. Мобилизационная наука рождена из режима срочности, ценность исследования определяется способностью дать рабочий результат в ограниченных сроках и условиях, что меняет структуру профессиональных ожиданий ученого. Приоритет отдается тем исследованиям, которые способны быстро, в сжатые сроки быть интегрированными в технологические и производственные процессы и дать практичный и работоспособный результат. И это не проходит незаметно, меняется сам характер научного мышления, стимулируется прагматическая ориентация, снижаются ожидания от долгосрочных фундаментальных исследований. Конечно, это не отказ от научных методов или рациональности, однако здесь есть смещение критериев научной значимости: мобилизационная наука не уничтожает знание полностью, она переопределяет его место в текущей системе научных приоритетов, подчиняет будущей прикладной востребованности.

В условиях мобилизационной науки происходит переосмысление ключевых элементов научного этоса: автономия ученого, традиционно представляющая собой независимость от внешних целей, превращается в институционально-ограниченную автономию, где свобода исследования вынуждена подчиняться заданным приоритетам. Центральным элементом нового этоса ученого становится долг. Научная деятельность в ОПК переосмысливается в новую форму служения, где в профессиональную идентичность ученого вливается ответственность за коллективный результат и дальнейшие социальные последствия, что проявляется как в организации научного труда, так и в системе профессиональных ожиданий и оценок [7], что формирует особые взаимоотношения между ученым и государством, в которых научное знание выступает не только как объект регулирования, но и как активный элемент воздействия власти. Ученый становится не просто исполняющим задания, а участником процесса выработки решений, обладающих политическими и социальными последствиями, что означает с философской точки зрения изменение представлений о нейтральности научного знания. Наука в мобилизационном режиме перестает быть аполитичной и сохраняет претензии на рациональность и экспертизу. Рождается особая форма «вовлеченной рациональности», где научное знание одновременно и инструмент власти, и сохраняет собственные стандарты. Однако важно отметить то, что подобные изменения не ведут к утрате целиком научной рефлексии. Напротив, ученый оказывается в ситуации, где вынужден постоянно соотносить научную корректность своих исследований с прикладной и оборонной значимостью, это создает особый тип профессиональной рациональности.

Формирование мобилизационной науки в структуре ОПК сопровождается, помимо институционных изменений, перестройкой когнитивных и ценностных оснований научной деятельности.

В этих условиях статус целевого приоритета отводится технологическому суверенитету и оборонным задачам, критерии значимости научного знания все чаще соотносятся с практической реализацией и внедрением в конкретные технологические базы, что приводит к переосмыслению самого феномена научной новизны, определяемой теперь не теоретической новизной, а вкладом в решение стратегических задач [2]. Важным элементом данной трансформации становится организация и развитие научно-образовательных центров в структурах ОПК, обеспечивающих воспроизводство кадров и передачу научно-технических знаний. Эти центры выступают пространством, в котором формируется специфический профессиональный этос, ценности научного поиска в них сочетаются с установками служению государственным интересам и коллективной ответственности за результаты исследований [10]. Ученый в системе ОПК в большей степени оказывается включенным в сложную систему институциональных и нормативных ожиданий, научная деятельность превращается в форму профессионального долга, но имеется в виду не полное вытеснение автономии науки, а ее переопределение в рамках иной, новой системы координат, в которой служение обществу и государству становится не требованием извне, а внутренне усвоенной ценностью научного этоса.

Дополнительным фактором трансформации научной деятельности становится изменение организационных форм производства знания. В условиях приоритетного развития оборонных технологий происходит усиление проектно-ориентированной модели науки, предполагающей жесткую координацию исследовательских программ, этапность выполнения работ и институциональную интеграцию научных, образовательных и производственных структур [10], в результате чего научное исследование все чаще разворачивается уже не как индивидуальный познавательный поиск, а как элемент коллективного технологического цикла, ориентированного на достижение конкретно поставленных практических целей. Существенные изменения затрагивают также характер научной коммуникации, в условиях мобилизационной науки возрастает роль закрытых экспертных сообществ, специализированных научно-технических советов и ведомственных исследовательских сетей. Это приводит к частичной трансформации принципа открытости науки, который в классической модели рассматривался как необходимое условие научного прогресса. Отмечается, что такая «ограниченная публичность» научного знания еще не означает отказа от рациональности, но все же формирует особый тип научной коммуникации, сочетающий элементы профессиональной солидарности

и институциональной лояльности [2]. Наряду с институциональными и коммуникативными изменениями трансформация затрагивает мотивационные основания научного труда. Исследования, посвященные изменению этоса современной науки, фиксируют постепенный сдвиг от индивидуалистических мотиваций к коллективно ориентированным установкам, связанным с участием в крупных национальных и отраслевых проектах [8]. В рамках мобилизационной науки успех ученого рассматривается не только через призму личных научных достижений, но и через вклад в реализацию стратегически значимых программ, что способствует формированию особой культуры профессиональной ответственности.

Неизбежно на идентичности ученого отражается изменение институционального и ценностного контекста науки. Если раньше идентичность строилась на образе независимого исследователя, ориентированного на истину и признание в научном обществе, то теперь ученому приходится выступать исследователем, экспертом, носителем особой формы социальной ответственности, и успех определяется не столько научными публикациями, сколько вкладом в решение прикладных, значимых для государства задач. И это рождает гибридную идентичность, где научный универсализм сочетается с гражданским и профессиональным долгом, эта идентичность требует постоянной рефлексии, балансирования между нормативными ожиданиями, что усиливает и без того внутреннюю напряженность научной деятельности.

С философской точки зрения мобилизационная наука выносит на первый план вопрос о границах ответственности ученого: в классической модели науки ответственность ограничена в основном корректностью познавательных процедур, в условиях ОПК ответственность расширяется до практического применения результатов исследований [11], что приводит к формированию специфического мировоззренческого комплекса, где между собой оказываются взаимосвязаны ценности истины, эффективности, безопасности. Этос ученого — готовность принимать участие в проектах, направленных на обеспечение обороны, сохраняя приверженность научным стандартам.

Неизбежно мобилизационная наука обостряет противоречие между универсалистскими претензиями научного знания и его включенностью в национальные проекты. Наука в ОПК ориентирована на решение задач, имеющих ограниченную открытость и нередко предполагающих режимы секретности, что само по себе противоречит принципу открытого научного обмена. Но, тем не менее, это противоречие не следует трактовать в негативном контексте, оно ведет к формированию гибридной модели науки, где универсальные научные методы сочетаются с национально-обусловленными целями и ограничениями, и такая модель требует особого философского осмысления, выходящего за рамки простых оценок «свобода — несвобода».

Одной из ключевых философских проблем в мобилизационной науке остается проблема границ научной свободы в этой науке: свобода исследований, конечно, не исчезает, но приобретает весьма условный характер и может быть реализована внутри заранее ограниченного круга допустимых тем и направлений. Однако история науки показывает, что многие значимые открытия совершались как раз в условиях жесточайших ограничений, но мобилизационный режим требует от ученого особой формы рефлексии над собственным положением и ответственностью, которую он несет за принятые решения. Свобода в мобилизационной науке превращается из абсолютной ценности в относительную, соотносится теперь с целями и задачами более высокого порядка, и это влечет за собой переосмысление традиционных представлений о свободе как о фундаментальном основании для научной деятельности.

Однако рассмотрение мобилизационной науки только в прикладном или институциональном ключе является недостаточным. Имеется в виду более глубокая философская проблема, которая затрагивает основы научной рациональности, этики, профессиональной идентичности. Мобилизационная наука показывает, что наука может функционировать в различных нормативных режимах, не утрачивая при этом своей сути и ядра. Под вопрос ставятся универсалистские модели философии науки, которые ориентированы на единый идеал научной деятельности.

В заключение следует отметить, что философское осмысление мобилизационной науки позволяет отказаться от упрощенных интерпретаций, преподносящих как деградация науки и ее полное подчинение государству, в пользу сложной трансформации научной реальности и профессиональной идентичности ученого. Философское осмысление науки позволяет рассматривать ее не как отклонение, не как аномалию, а как один из возможных и вполне работающих способов существования науки, особенно в текущих условиях социальных и политических вызовов. Такой подход открывает перспективы для дальнейших исследований, направленных на анализ многообразия форм существования науки. Трансформация этоса ученого в условиях мобилизационной науки носит огромный мировоззренческий опыт. А исторический опыт показывает, что в периоды интенсивного государственного заказа на научные результаты наука неизбежно переосмысливает собственное предназначение, ученый — свою профессиональную идентичность [1]. В этом контексте мобилизационная наука в российском ОПК может быть рассмотрена как особая форма синтеза научного знания, государственной рациональности и этики профессионального долга. Философский анализ данной

трансформации позволяет выйти за стандартные рамки, противопоставляющие «свободную» науку «служебной», и рассмотреть мобилизационную науку как исторически обусловленный вариант развития науки, отвечающий специфике современных вызовов и рисков.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Петров В.В. Исторический опыт организации научных исследований: социальный контекст. *Respublica literaria*, 2025, № 4, с. 196–203.
- [2] Пружинин Б.И. Феномен «нового знания» в концептуальной сетке философии науки. *Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология*, 2020, № 3, с. 473–483.
- [3] Батыгин Г.С., Козлова Л.А., Свидерски Э.М. *Социальные науки в постсоветской России*. М., Академический проект, 2005, 416 с.
- [4] Крохичева Г.Е., Архипов Э.Л., Восканова А.С. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в системе экономической безопасности. *Науковедение*, 2017, № 1. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/08EVN117.pdf> (дата обращения 09.01.2026).
- [5] Митяков С.Н. Модель мобилизационной экономики. *Развитие и безопасность*, 2022, № 1, с. 16–33.
- [6] Есаулов В.Н. Перспективы развития оборонно-промышленного комплекса в России. *Вестник Томского государственного университета*, 2013, № 2, с. 65–71.
- [7] Монин С.А., Швырков А.В., Белорозов Р.С., Карпачев И.А. Обоснование направлений военно-технической политики государства как одна из основных научных задач ФГБУ «46 ЦНИИ» Минобороны России. *Вооружение и экономика*, 2022, № 3. URL: [https://viek.ru/61/vie_22_3\(61\)-055-066.pdf](https://viek.ru/61/vie_22_3(61)-055-066.pdf) (дата обращения 03.01.2026).
- [8] Черникова И.В. Об изменении этоса современной науки. *Второй Международный Конгресс Русского общества истории и философии науки «Наука как общественное благо». Т. 1*. URL: <https://rshps.ru/books/congress2020t1.pdf> (дата обращения 03.01.2026).
- [9] Себбаггала Т.М., Зайцев А.А., Головкина С.И. Проблемы развития институциональной среды рынка научных исследований и инноваций. *Бизнес. Образование. Право*, 2022, № 4, с. 58–63.
- [10] Ерошин С.Е., Федоров В.В. Становление научно-образовательных центров в рамках оборонно-промышленных холдингов. *Инновационная Россия*, 2017, № 12, с. 13–16.
- [11] Гудыма А.А. Инновации в оборонно-промышленном комплексе Российской Федерации. *Стратегии бизнеса*, 2014, № 2, с. 102–104.

Статья поступила в редакцию 13.07.2026

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Иноземцев В.А., Лендрасова Е.С. Наука как долг и оборона: трансформация этоса ученого в условиях «мобилизационной науки». *Гуманитарный вестник*, 2026, вып. 4. EDN WVOGVS

Иноземцев Владимир Александрович — д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: inozem_63@mail.ru

Лендрасова Евгения Сергеевна — аспирант кафедры «Космические аппараты и ракеты-носители» МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: l.evgenia@inbox.ru

Science as Duty and Defense: Transformation of the Scientist's Ethos under Conditions of "Mobilization Science"

© V.A. Inozemtsev, E.S. Lendrasova

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The transformation of the normative and value foundations of scientific activity under the conditions of science functioning in the so-called mobilization regime is examined. The subject of the analysis is the change in the professional ethos of the scientist in the context of the integration of scientific research into the needs of the defense-industrial complex of the Russian Federation. The aim of the study is a philosophical reflection on how the mobilization character of science affects the understanding of scientific autonomy, responsibility, and the social role of the scientist. Special attention is paid to the analysis of the transformation of the professional identity of the scientist, for whom scientific activity gradually acquires the features of duty, a form of responsible service.

Keywords: scientific ethos, responsibility of the scientist, philosophy of science, scientific rationality, institutional context of science, scientific autonomy, professional identity, national security

REFERENCES

- [1] Petrov V.V. Istoricheskiy opyt organizatsii nauchnykh issledovaniy: sotsialnyy kontekst [Historical experience in organizing scientific research: social context]. *Respublica literaria*, 2025, no. 4, pp. 196–203.
- [2] Pruzhinin B.I. Fenomen "novogo znaniya" v kontseptualnoy setke filosofii nauki [The phenomenon of New Knowledge in the conceptual framework of the philosophy of science]. *Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya — Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, no. 3, pp. 473–483.
- [3] Batygin G.S., Kozlova L.A., Swiderski E.M. *Sotsialnye nauki v postsovetskoy Rossii* [Social sciences in post-Soviet Russia]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2005, 416 p.
- [4] Kroklicheva G.E., Arkhipov E.L., Voskanova A.S. Strategiya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti [The national security strategy of the Russian Federation in the system of economic security]. *Naukovedenie*, 2017, no. 1. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/08EVN117.pdf> (accessed January 9, 2026).
- [5] Mityakov S.N. Model mobilizatsionnoy ekonomiki [Model of a mobilization economy]. *Razvitie i bezopasnost*, 2022, no. 1, pp. 16–33.
- [6] Esaulov V.N. Perspektivy razvitiya oboronno-promyshlennogo kompleksa v Rossii [Prospects for the development of the defense-industrial complex in Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2013, no. 2, pp. 65–71.
- [7] Monin S.A., Shvyrkov A.V., Belorozov R.S., Karpachev I.A. Obosnovanie napravleniy voenno-tehnicheskoy politiki gosudarstva kak odna iz osnovnykh nauchnykh zadach FGBU "46 TsNII" Minoborony Rossii [Substantiation of directions of the state military-technical policy as one of the main scientific tasks]

- of the 46th Central Research Institute of the Russian Ministry of Defense]. *Vooruzhenie i ekonomika — Armaments and Economics*, 2022, no. 3. Available at: [https://viek.ru/61/vie_22_3\(61\)-055-066.pdf](https://viek.ru/61/vie_22_3(61)-055-066.pdf) (accessed January 3, 2026).
- [8] Chernikova I.V. Ob izmenenii etosa sovremennoy nauki [On the change in the ethos of modern science]. In: *Vtoroy Mezhdunarodnyy Kongress Russkogo obshchestva istorii i filosofii nauki "Nauka kak obschestvennoe blago"* [Second International Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science "Science as a Public Good"]. Vol. 1. Available at: <https://rshps.ru/books/congress2020t1.pdf> (accessed January 3, 2026).
- [9] Sebbagalla T.M., Zaytsev A.A., Golovkina S.I. Problemy razvitiya institutsionalnoy sredy rynka nauchnykh issledovaniy i innovatsiy [Challenges of developing the institutional environment of the research and innovation market]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo — Business. Education. Law*, 2022, no. 4, pp. 58–63.
- [10] Eroshin S.E., Fedorov V.V. Stanovlenie nauchno-obrazovatel'nykh tsentrov v ramkakh oboronno-promyshlennykh holdingov [Formation of research and education centers within defense-industrial holdings]. *Innovatsionnaya Rossiya — Innovative Russia*, 2017, no. 12, pp. 13–16.
- [11] Gudyma A.A. Innovatsii v oboronno-promyshlennom komplekse Rossiyskoy Federatsii [Innovations in the defense-industrial complex of the Russian Federation]. *Strategii biznesa — Business Strategies*, 2014, no. 2, pp. 102–104.

Inozemtsev V.A., Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: inozem_63@mail.ru

Lendrasova E.S., Postgraduate Student, Department of Spacecraft and launch vehicles, Bauman Moscow State Technical University. e-mail: levgenia@inbox.ru